

«Бристольские известия»
Пятница, 28 января 1910 года

СУФРАЖЕТКИ¹ СОВЕРШИЛИ ПОДЖОГ ОДИН ПОГИБШИЙ

В минувший вторник незадолго до полуночи в Бристолле, на Томас-стрит, был подожжен магазин, принадлежащий Х.Э. Гринэму. Мистер Гринэм и его жена живут над магазином, но, к счастью, в тот вечер их не было дома. Однако, как это ни трагично, их жилец, мистер Кристиан Брукфилд, уважаемый журналист, работавший в нашей газете, по-видимому, спал в своей спальне на верхнем этаже, где дым и пламя и убили его.

При этом на улице были обнаружены разбросанные листовки суфражеток, а также подписанная записка, приколотая к одному из ближайших телефонных столбов. Именно таким образом суфражетки и берут на себя ответственность за причиненный ими преступный ущерб. В среду утром полиция арестовала мисс Элизабет Уоррел, проживающую в Редленде на улице Вудфилд-роуд, по подозрению в поджоге и убийстве. Ей было предъявлено обвинение в обоих этих преступлениях, и она предстала перед магистратским судом, который постановил, что ее дело будет рассмотрено судом присяжных во время весенней сессии. В насто-

---

¹ От «suffrage» (*фр.*) — избирательное право; далее об этом термине см. раздел «От автора» и дальнейший текст.

ТИ КИНСИ

ящее время она заключена в женском крыле тюрьмы Хорфилд, где ожидает суда.

Считалось, что на период нынешних парламентских выборов Женский социально-политический союз, организация так называемых суфражеток, приостановил свою кампанию насильственных действий, однако, похоже, верить слову этих безрассудных женщин все-таки нельзя.

У мистера Брукфилда, их безвинной жертвы, не было семьи, но этого храброго молодого человека, проливавшего свет на самые темные закоулки нашего общества, будет очень не хватать не только тем, кто работал с ним рядом, но и всем гражданам нашего великого города.

— Будь добра, передай мне перец, — сказала леди Хардкасл.

Я рассеянно передала. Было утро пятницы, и каждая из нас читала газету. В какой части света мы бы ни находились, леди Хардкасл любила читать «Таймс», а также еще одну, более локальную, газету. Когда почти два года назад мы поселились в Литтлтон-Коттереле, она в качестве источника региональных сплетен выбрала «Бристольские известия». Существовала и еще более местная газета, издающаяся в рыночном городке Чиппинг-Бевингтоне, но леди Хардкасл предпочитала читать новости в газете, которая публиковалась в ближайшем из крупных городов. «Бристольские известия» выходили по вторникам и пятницам, и, когда на накрытом для завтрака столе лежали две газеты, моя хозяйка всегда брала первой именно ее.

— Какие новости в Бристоле? — спросила я. — Есть что-нибудь интересное?

— Все как обычно, — ответила она. — Выдано разрешение на строительство новых торговых площадей на... — она сделала паузу, чтобы просмотреть статью, — ... на Томас-стрит. Горячий призыв заведующего отделом спорта к увольнению управляющего футбольным клубом «Бристоль сити», после того как в среду он про-

играл «Шеффилду» со счетом ноль — два. Новость о прибытии в порт Эйвонмут груза золота — аж из Чили. И поджог на... на Томас-стрит. Один человек погиб. Полиция арестовала женщину, устроившую этот поджог.

— Редактор газеты из вас вышел бы никудышный, — сказала я. — Первым делом вам следовало бы сказать: — Поджог и убийство — поджигательница арестована.

— Тогда тебе стоило бы написать в «Бристольские известия» и сказать ее главному редактору, что он тоже никудышный газетчик. Шапка на первой полосе посвящена выборам в парламент. Опять.

— Нечасто слышишь о женщине, которая совершила поджог. Это, безусловно, наиболее интересная из новостей.

— Эта женщина — суфражетка, — сказала леди Хардкасл, просмотрев заметку еще раз.

— Тем более следовало бы сделать этот сюжет основным. «Бристольские известия» никогда не делали секрета из своего презрения даже к самой мысли о праве голоса для женщин, не говоря уже о том, чтобы женщины боролись за него.

— Ну, этот новостной сюжет подверстан к репортажу о высказываниях сэра Хауэлла Дэвиса на собрании либеральной партии в Бедминстере.

— Тьфу, — сказала я.

— Вот именно, тьфу. — Внимательно посмотрев на свою тарелку, она приподняла краешек яичницы, чтобы увидеть то, что скрыто под ней. — У нас что, закончился хаггис¹?

— Мы доели его на неожиданно организованном вами бернсовском ужине² во вторник.

¹ Шотландское национальное блюдо — бараний желудок, начиненный потрохами со специями.

² Традиционная праздничная трапеза в день рождения великого шотландского поэта Роберта Бернса, 25 января.

— Какая жалость. Это был добавочный дивиденд, который подарила нам наша поездка. Нам следовало привезти побольше этого блюда.

Незадолго до Рождества мы ездили в Шотландию на бракосочетание брата леди Хардкасл с Лавинией Кодрингтон, сестрой графа Риддлторпа. Чтобы избавиться от бесконечных препирательств родных невесты относительно приготовлений к их свадьбе, они просто-напросто сбежали в Гретна Грин¹. После бракосочетания, состоявшегося в кузнице, мы пожелали этой счастливой паре счастливой совместной жизни и поехали дальше в Эдинбург, где и приобрели небольшой запас хаггиса, предварительно распробовав его в великолепном ресторане нашей гостиницы.

— Количество хаггиса, которое можно вывезти из Шотландии, строго ограничено, — заметила я. — Шотландцы оберегают его весьма ревниво.

— Их можно понять, — отозвалась моя хозяйка. — Ведь овцы там такая редкость, и их трудно ловить.

— Это если не знаешь их повадок, — сказала я. — Они живут на склонах гор, и левые ноги у них короче, чем правые, чтобы они не сваливались вниз. Этот результат эволюционной адаптации весьма полезен, но он означает, что им приходится всегда пастись, обротив морды в одну и ту же сторону и обегать гору только против часовой стрелки.

— Что делает их поимку легче?

---

¹ Деревня на юге Шотландии, прямо на границе с Англией, местная достопримечательность, центр кузнечного ремесла, знаменитый кроме этого тем, что здесь почти двести лет со второй половины XVIII в. заключались браки между мужчинами и женщинами, которым без разрешения родни нельзя было пожениться в Англии и Уэльсе (в Шотландии брачное законодательство было гораздо мягче). Явление получило название «кузнечные свадьбы», так как простейшая церемония бракосочетания происходила чаще всего именно в кузнице.

ТИ КИНСИ

— Вот именно.

— Век живи, век учись. А каковы твои планы на сегодняшний день, моя миниатюрная служанка?

— Похоже, мне опять придется заниматься починкой одежды. Ведь ваше зеленое платье... — начала было я.

— Ах, да, извини. Я споткнулась в оранжерее, и оно зацепилось за гвоздь.

Леди Хардкасл перепробовала немало увлечений и интересов, но у нее оставалась и неизменная страсть — создание «живых картинок», а точнее, «анимированных историй». Этим она занималась в кинематографической студии, которую обустроила в бывшей оранжерее.

— Если бы вы просто разрешили мне навести там порядок...

— У меня есть система, моя дорогая, — перебила меня она. — Каждая вещь должна иметь свое место, и все должно находиться на своих местах.

— Вы говорите это постоянно, но, похоже, «свое место» у вас только одно — пол.

— Платье я порвала всего чуть-чуть, — сказала она, — так что починка не займет у тебя много времени. А что ты будешь делать потом?

— После этого мне предстоит передышка, одна из тех, которые столь редко выпадают в моих непрерывных трудах. Поскольку рабочий день Эдны и мисс Джонс по-прежнему длится дольше моего, я подумала, что могла бы почитать.

— А мисс Джонс уже решила, что она приготовит на обед?

— Думаю, нет. А чего бы хотелось вам? Уверена, что ее можно уговорить приготовить все, что вам будет угодно.

— Почему бы нам не облегчить ей жизнь и не пообедать в «Псе и утке»?

— Как пожелаете, — ответила я. — Хотя я совсем не уверена, что сэндвич Старины Джо может сравниться даже с наименее изысканными обеденными творениями мисс Джонс.

— У него могут найтись и пироги с мясом. А их он берет у Холмана.

— Ах, да. К тому же это даст мне возможность поболтать с Дейзи. Хорошо, вы меня уговорили. Стало быть, встретимся в полдень у подножия лестницы?

— Да, увидимся там.

* * *

Как я и обещала, ровно в полдень я в пальто и шляпе ждала в холле. Вернее, полдень показывали имеющиеся здесь часы, в точности хода которых я с некоторых пор начала сомневаться. Помимо обыкновения по своему выбору то спешить, то отставать, они к тому же повадились отбивать четверти часа в самое разное время, близкое к четверти часа, однако никогда не ровно в надлежащее время.

Само собой, леди Хардкасл опаздывала даже с учетом скидки на выходы становящихся все более и более чудаковатыми часов. Взяв со стоящего в холле стола сегодняшнюю почту, я, чтобы скоротать время, начала перебирать ее.

Я сразу же узнала почерк и почтовые штемпели на письмах постоянных двух корреспонденток леди Хардкасл. Одна из них была женой дипломата, с которой моя хозяйка познакомилась в девяностых годах и с которой поддерживала оживленную переписку, касающуюся таких разноплановых тем, как вышивка, вязание, живопись, радиоаппаратура, химия и «специальная теория относительности» доктора Эйнштейна. Второй корреспонденткой была прослав-

ленная пианистка, страстно влюбленная в современную музыку... а также в садоводство. Я была уверена, что леди Хардкасл будет рада получить оба эти письма.

Среди почты имелось также два счета — один из них пришел от нашего виноторговца, и в нем наверняка значилась умопомрачительно высокая сумма.

Особенно интригующим мне показалось третье письмо. Его конверт был изготовлен из плотной и, несомненно, дорогой бумаги и надписан женским почерком, изящным, хотя и не совсем устоявшимся, как будто отправительница была весьма и весьма молода. Судя по штемпелю, письмо было отправлено из Бристоля. Я положила его на самый верх стопки, чтобы леди Хардкасл увидела его первым и, возможно, сразу же удовлетворила мое любопытство.

Опоздав всего на десять минут, она наконец ворвалась в холл через дверь кухни.

— Прости, что опоздала, дорогая, — сказала она. — Я так увлеклась — на меня словно что-то нашло.

— Скорее, не нашло, а наехало, — заметила я. — Чем это вы так перепачкались, черт возьми?

— В основном отбеливающей глиной. Хотя, полагаю, вот это, возможно, осталось от кофе. — Она ткнула в пятно на своем плече. — Хорошо, что я надела рабочий халат, а?

— Да, хорошо.

— Дай мне десять минут на то, чтобы сполоснуть лицо и переодеться в чистое платье, и я буду готова.

— Договорились, миледи.

Она заметила маленькую стопку корреспонденции на столе. — О-о, почта. Начиная с Рождества ее приносят все позже и позже. Для меня что-нибудь есть?

Я нахмурилась.

— Тут все для вас. Как всегда.

— Хорошо. Давай ее сюда. Я быстро просмотрю перед тем, как подняться к себе.

Она перебрала почту и, к моему удовольствию, была так же заинтригована верхним письмом, как и я сама.

— Хм-м, — протянула она. — Интересно, от кого оно может быть?

Достав из кармана рабочего халата перочинный ножик, она разрешила конверт и, читая письмо, пошла по лестнице наверх.

— Не беспокойтесь, — сказала я. — Я подожду вас здесь.

— Договорились, дорогая, — ответила она, по-прежнему читая письмо. — Я быстро.

Надо отдать ей должное, она и в самом деле спустилась быстро и, возвратившись в холл в платье, застегнутом не на те пуговицы, и с волосами, выглядящими так, будто прическу ей делала маленькая девочка, читала письмо во второй раз.

— Вид у вас просто прелестный, — заметила я.

— Сегодня все идет не так, как надо, — посетовала она. — Если ты сможешь мне со всем этим разобраться, я буду у тебя в вечном долгу.

Я принялась перезастегивать пуговицы ее платья и приводить в порядок ее прическу.

— Что в этом письме так выбило вас из колеи? — спросила я.

— Нас просят спасти человеческую жизнь, — ответила она.

— Силы небесные. Чью?

— Той женщины, о которой написано в газете.

— Суфражетки, которая подожгла магазин?

— Если можно верить даме, написавшей мне это письмо, эта суфражетка вовсе не поджигала магазин. И моя корреспондентка приводит два убедительных довода, почему она не могла это сделать.

— А вы уверены, что это письмо пришло не от какой-то очередной бестолочи, которая прочитала о вас в газете и решила, что у вас есть мистические способности?

— Может быть, она и бестолочь, этого я не знаю, но она знакома с Симеоном, так что думаю, она не питает иллюзий насчет моих способностей, как мистических, так и каких-то там еще. Он бы мигом объяснил ей, что к чему.

Доктор Симеон Гослинг был старым другом леди Хардкасл и сейчас работал в полиции Бристоля как судебно-медицинский эксперт.

— Какие же убедительные доводы она привела? Почему она так уверена, что эта суфражетка не делала того, в чем ее обвиняют?

— Автора этого письма зовут Джорджина, леди Бикл, и она пишет, что и сама является членом Женского социально-политического союза. Она лично ручается за арестованную Лиззи Уоррел и уверяет, что эта организация не только не занимается поджогами, но на период проведения кампании по выборам в парламент вообще наложила мораторий на все виды активных действий.

— Об этом говорилось и в газете, — заметила я. — Но разве она не могла действовать по своей собственной инициативе?

— Леди Бикл затронула и этот вопрос. Она пишет: «Я знакома с Лиззи Уоррел уже более года и могу утверждать, что не знаю никого, более преданного ЖСПС. Невозможно себе представить, чтобы она пошла против указаний миссис Панкхерст¹ и стала действовать по своей собственной инициативе особенно

---

¹ Эммелин Панкхерст (1858–1928) — глава британских суфражеток и ЖСПС, фигурантка списка журнала «Тайм» «100 героев и кумиров XX века».

теперь, когда ставки так высоки, — ведь появились шансы на то, что мужчины нашей страны изберут такое правительство, которое поддержит наше дело». По-моему, яснее не скажешь.

— Да, это в самом деле убеждает, — согласилась я. — А что именно она просит вас предпринять?

— Она просит нас — она говорит именно о «нас», дорогая, и упоминает твое имя — завтра утром явиться к ней на второй завтрак.

— А какой от этого прок?

— Она желает ввести нас в курс дела, надеясь, что мы сможем провести расследование и найти того, кто действительно виновен. Во всяком случае, так она пишет.

— И мы поедем к ней?

— Полагаю, мы не можем ей отказать, а как думаешь ты? Я сегодня же отправлю ей телеграмму, когда мы будем в деревне. А потом мы могли бы поехать в Чиппинг, чтобы немного походить по магазинам. Мне нужно прикупить пару кое-каких мелочей.

— Но мы ведь все равно обедаем в «Псе и утке», да? — спросила я.

— Я обещала тебе пирог. И не могу оставить тебя без него.

* * *

— Как это у вас нет пирога? — спросила я барменшу Дейзи, мою подругу.

— Утомонись, — со смехом ответила она. — Ведь у нас остался сидр.

— Это я понимаю. Но мне хотелось именно пирога. Леди Хардкасл обещала мне пирог с мясом.

— Я могу приготовить тебе сэндвич с сыром, — предложила она.

Дейзи Спрэтт была дочерью мясника и моей лучшей подругой в деревне. Но сейчас вместо пирога она